Т. И. АФАНАСЬЕВА

УПОТРЕБЛЕНИЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ФУНКЦИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ 3-ГО ЛИЦА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ КОНЦА XIV ВЕКА*

Введение

Яркая языковая особенность, отличающая русские переводы XIV в., сделанные книжниками митрополита Киприана, — это частотное употребление местоимений **тъ, та, то** в качестве личных. Таким образом они употребляются в тех случаях, когда указывают на только что упомянутое лицо или предмет, т. е. выполняют анафорическую функцию. В Евхологии Великой церкви[1] таких примеров очень много, в качестве иллюстрации приведем лишь несколько по рукописи ГИМ, Син. 900: **еже на камени вѣры создавъ цр҃квь свою бл҃гии. в тои исправи молбы наша** (55 об.), **ѿрекосте ли сѧ диꙗвола. даже до конца того възненавидите** (155), **словеснꙋю сию паствꙋ вкꙋпѣ собравъ... незарочнꙋ тꙋю сблюди** (171), **сп҃си кнѧзѧ наша... схрани тѣхъ подъ кровомъ твоеꙗ бл҃гости** (172), **внегда хотѧть приводими быти къ православнои вѣрѣ. поститисѧ тѣмъ дн҃ии і҃ или еі҃** (196).

Подобные примеры можно найти в переводе Диатаксиса Филофея Коккина — уставе Божественной литургии, выполненном при Киприане [Афанасьева 2015: 173—186]: **въздоух же прїимъ ѿ рама дїаконова. и покадивь того... покрываеть с нимъ ст҃аа** (ГИМ, Син. 601, л. 24), **гл҃ть сщ҃нникъ млт҃воу входноую таи. тои же скончавшисѧ. гл҃ть дїакѡн** (Vat. slav. 14, л. 127), а также в переводах самого митрополита: **землѧ оубо служащи вл҃дко твоему бж҃ственому повелѣнию лѣтных изведе плодовъ нъ твоею бл҃гстию и росꙋ временнꙋю проситъ к тѣхъ возрастению** (канон «о гобзине плода» по списку РНБ, Соф. 837, л. 353 об.).

По нашим наблюдениям, употребление местоимения **тъ** в анафорической функции распространено в произведениях Евфимия Тырновского.

---

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, грант 14-04-00150а.

[1] О времени и месте данного перевода см. подробнее [Афанасьева 2014: 237—251].

Санкт-Петербургский государственный университет

Русский язык в научном освещении. № 1 (33). 2017. С. 196—208.

Так, например, в Житии Иоанна Рыльского, написанном Евфимием[2], находим немало таких употреблений: **въскорѣ къ рацѣ ст҃го притече и тѡплыми слъзами тж облїавъ, весь цр҃ковныи съзва причьтъ и въсѣ прѣдреченаа тѣмъ сказа, абие посла къ патрїархоу своемоу кѵрь Василїоу сѫщоу томоу въ тръновѣ… писанїе велѧщее сице**. Исследования славянских переводов литургий показали, что редакция Евфимия и редакция митрополита Киприана, единомышленника и последователя тырновского патриарха, очень близки друг другу по переводческим установкам. Так, в области употребления местоимения 3-го лица в обеих редакциях многочисленны случаи постановки местоимения **тои**, **таꙗ**, **то** на месте ***и**, ***ꙗ**, **ѥ** в древних и в Афонской редакциях [Афанасьева 2004: 63—64].

На наш взгляд, эта языковая особенность имеет южнославянское происхождение и заимствуется русскими переводчиками в конце XIV в. В настоящей статье предпринимается попытка охарактеризовать данное явление и показать, как оно адаптируется в русских переводах XIV в.

1. Местоимение *тъ* в старославянском и древнерусском языке XI—XIV вв.

В старославянских памятниках существовала троичная (тернарная) система указательных местоимений *сь*, *тъ*, *онъ*, и они совмещали в себе две основные функции — заместительную (анафорическую) и указательную (дейктическую). Местоимения *сь* и *онъ* в большей степени были указательными и указывали на ближний и дальний предмет соответственно. Местоимение *тъ* было противопоставлено местоимению *сь*, в его семантике подчеркивалась не удаленность предмета как таковая, а скорее известность, определенность предмета [Вайан 1952: 169]. В заместительной функции чаще всего употреблялось местоимение **jь*, однако в разных памятниках соотношение местоименных субстантивов *тъ*, *сь*, *онъ* и **jь* было различным. Подробное исследование этого соотношения было проведено Й. Курцем, однако в сферу его интересов входило употребление указательных местоимений в атрибутивной функции, поскольку он исследовал механизмы формирования постпозитивного артикля и ставил перед собой вопрос, имеется ли в старославянских памятниках категория определенности и можно ли найти в них местоимения в функции артикля. В результате проведенного им исследования было выяснено, что в старославянском языке *тъ* имеет подчеркивающее значение, выступает при отсылке к уже упомянутому, а также в большей степени носит экспрессивный оттенок [Курц 1963: 121—182].

В данном исследовании нас будет интересовать употребление местоимений вместо существительных, т. е. в заместительной функции. Здесь в

[2] Примеры цитируются по изданию Е. Калужняцкого [Калужняцки 2010: 106—107].

нейтральном значении преобладает местоимение **jь*, но наряду с ним используются и указательные местоимения. Так, в старославянских памятниках местоимение *тъ* имело самый широкий спектр значений и могло соответствовать всем греческим указательным местоимениям αὐτός, οὗτος и ἐκεῖνος, тогда как *сь* чаще всего соотносится с οὗτος, а *онъ* — с ἐκεῖνος [Минчева 1987: 33]. По большей части, когда местоимение *тъ* выступает в функции замещения, оно имеет указательно-заместительные оттенки значения: 1) указывает на то, о чем недавно говорилось (**блажени плачѫщеи ѣко ти оутѣшѧтьсѧ**), 2) указывает на непосредственно предшествующий член предложения (**творѧщеи бо ꙁъло ти сѫтъ страждѫщеи ꙁълѣ**), 3) выступает как коррелятивное местоимение в придаточном предложении (**иже мѧ сътвори цѣла тъ мьнѣ рече**) [Večerka 1993: 52—55].

Тем не менее, по памятникам соотношения местоимения *тъ* с греческими местоимениями представляют довольно пеструю картину. Так, в рукописях Евангелия именно *тъ* имеет самые разнообразные соотношения с греческими местоимениями; более того, славянские местоимения, соответствующие одному греческому, могут иметь разные варианты по спискам. В соответствии с ἐκεῖνος *тъ* частотно в атрибутивной позиции: **ѿ часа того, иꙁ града того, до дне того**. В заместительной функции оно по большей части употребляется в соответствии с αὐτός и οὗτος: **еи глю вамъ того оубоитесѧ** (Лк. 12:5 τοῦτον), **тъ есть болеи въ црствии нбнѣмь** (Мф. 18:4 οὗτός), **и посла того к ним** (Мк. 12:6 αὐτόν), **и тому единому послꙋжиши** (Лк. 4:8 αὐτῷ), **блажени смѣрении дхомь ꙗко тѣхъ есть црствиѥ нбсноѥ** (Мф. 5:3 αὐτῶν), **пѧть притворъ имѫщихъ в тѣхъ лежааше** (Ин. 5:2 ἐν ταύταις). Случаи употребления в соответствии с ἐκεῖνος единичны: **паки посла к нимъ другого раба и того камениемь по главѣ бивше…** (Мк. 12:4 ἐκεῖνον), **они же и того бивше…** (Лк. 20:11 ἐκεῖνον).

Только в именительном падеже регулярно выдерживается соответствие с αὐτός: **тъ бо спасетъ люди своѧ** (Мф. 1:21 αὐτός), **тъ вы крститъ дꙋхомь стымь и огнемь** (Мф. 3:11 αὐτὸς), **тъ недѫгы нашѧ приѧтъ и болеꙁни понесе** (Мф. 8:17 αὐτός), **тъ съпааше** (Мф. 8:24 αὐτός). Это связано с тем, что в греческом языке местоимение αὐτός употреблялось в нейтральном значении лишь в косвенных падежах, в именительном падеже местоимение опускалось, а если оно было употреблено, то имело выделительное, подчеркивающее значение.

В Супрасльской рукописи соотношение *тъ* с греческим оригиналом было несколько иным. По нашим подсчетам, местоимение *тъ* в заместительной функции чаще соотносится с греческим οὗτος, хотя единичные случаи с αὐτός и ἐκεῖνος встречаются. Так, по результатам исследования 1-го тома издания этого памятника [Супр. 1982][3] в соответствии с οὗτος *тъ* встречается в четыре раза чаще, чем с αὐτός, и во столько же раз чаще, чем

[3] В качестве поискового механизма использовался интернет-портал Манускрипт: http://mns.udsu.ru/mns/main?p_text=85179364.

с ἐκεῖνος. Кроме того, именно в Супрасльской рукописи местоимение *тъ* нередко выступает в функции постпозитивного артикля [Минчева 1987: 39]. Нам представляется, что в выборе *тъ*, *сь*, *онъ* греческий текст не оказывал решающего влияния. Видимо, выбор между местоимением *тъ* и *сь* диктовался нормами славянского языка, и нормы восточноболгарские, представленные в Супрасльской рукописи, заметно отличались от норм, представленных в старославянских евангелиях.

Ранние древнерусские памятники, видимо, унаследовали троичную систему указательных местоимений от старославянского языка, и в некоторых древнерусских памятниках она используется. Так, в Житии Феодосия Печерского, например, есть немало контекстов, где местоимение **тъ** указывает на уже известное и только что упомянутое лицо[4]: **Таче же ꙗко и минуша м҃ дьнии дѣтицю, крьщениемь того освѧтиша** (27 об.); **они же видѣвъше отрока простость и ризами же худами облечена, не рачиша того приꙗти** (31). В древнерусском языке все три местоимения могли выполнять роль семантического 3-го лица, примеры таких употреблений имеются во многих памятниках Киевского периода: в Сказании о Борисе и Глебе, Житии Феодосия Печерского, Студийском уставе, в Чудесах св. Николая [ДРГ 1995: 369]. Однако вопрос о том, чем объясняется выбор конкретного местоимения, остается открытым и требует изучения по целому ряду памятников. На сегодняшний день проведено исследование только Русской Правды, где, по данным Т. А. Сумниковой, в качестве основного замещающего субстантива выступает местоимение **jь*. В результате подсчетов было выяснено, что на 149 случаев употребления местоимения **jь* приходится 14 случаев местоимения **тъ**. Значения указательных местоимений, по мнению Сумниковой, в заместительной функции нейтрализуются, и они выступают практически как синонимы, т. е. имеет место семантически нейтральная анафора [Там же: 372—373].

В среднеболгарский период местоимения **тъ, та, то** начинают употребляться в членной форме **тои** (из **тъи**), **тиꙗ** (вм. древней **таꙗ**, получившейся в результате влияния местоимения **сиꙗ**) и **тое**. Так, новые формы известны в Дубровницкой грамоте 1230 г., Берлинском сборнике, Врачанском евангелии [Харалампиев 2001: 109—110]. В продукции Тырновской книжной школы членные формы **тои, тиꙗ, тое** уже носят регулярный характер [Иванова-Мирчева 1974: 203]. Употребление местоимения *тои* в анафорической функции в среднеболгарских памятниках не изучалось, поэтому вопрос, сохраняется ли тернарная система местоимений 3-го лица или она заменяется бинарной, еще ждет своего исследователя. Однако наши наблюдения над переводами Евфимия Тырновского и митрополита Киприана позволяют предположить, что в восточноболгарской письменности XIV века еще использовалась тернарная система указательных местоимений. Тернарная система сохранилась лишь в некоторых современных славянских

[4] Примеры приводятся по изданию [Успенский сборник 1971: 73, 80].

языках, причем она характеризуется яркой тенденцией к сведению трехчленной системы в двучленную, — это чешский язык (к нему близка система указательных местоимений словацкого, верхнелужицкого и нижнелужицкого языков) и сербский (к нему близка система местоимений македонского языка) [Кржижкова 1972: 144—153].

2. Местоимения тъ, та, то в русском переводе Евхология Великой церкви

В данном разделе мы проследим употребление местоимений **тъ, та, то** в анафорической функции в соответствии с греческим местоимением αὐτός, αὐτή, αὐτό в русских переводах XIV в. Материалом для исследования был выбран Евхологий Великой церкви, переведенный русскими книжниками при митрополите Киприане, поскольку он является самым большим по объему русским переводом конца XIV века и в нем гораздо отчетливее, чем в других, видно, в каких падежах новая норма проявляется интенсивнее, в каких предпочитается старая. Отметим также, что старая норма употребления анафорических местоимений от **jь* продолжает использоваться в переводе и конкурирует с новой. Исследование проводилось на материале списка ГИМ, Син. 900 начала XV в., поскольку он полнее древнейшего списка ГИМ, Син 675 конца XIV в., греческие параллели там, где они необходимы, приводятся по изданию М. Арранца [Арранц 2003].

Евхологий Великой церкви представляет собой собрание церковных служб, совершаемых священником и дьяконом, большую часть которых составляют молитвы. По своей структуре молитвы — это тексты, лишенные нарратива и имеющие в своем составе восхваления Бога и просьбы к Богу, для выражения которых используются глаголы во втором лице единственного числа и в первом лице множественного числа. В таких текстах формы местоимений третьего лица присутствуют по большей части в косвенных падежах. Нарративные тексты содержатся в рубриках Евхология — пространных богослужебных указаниях о том, в какой последовательности нужно совершать ту или иную службу.

Именительный падеж

В нарративном тексте личное местоимение в именительном падеже как в греческом, так и в церковнославянском языке, как правило, опускалось, а если оно употреблялось, то имело усилительное значение. Употребление местоимения мужского рода **тои** в соответствии с греческим αὐτός встречается только в нарративных пассажах, и таких случаев только два: **но бъ творить ꙗкоже хощеть и всѧкому блгому и лукавому виновенъ тои есть.** 238 об; **и над всѣми сими проклинаю бога моамедова. ѡ немже глеть ꙗко тои есть бъ единъ** 241. Во множественном числе 4 раза встречается форма **тии**: **ѡтрываемѣ же трапезѣ съ антимисъми. тии ѿ сщнникъ**

оубо абие прелагаеми бываютъ на ч(с҃)тьномъ мѣстѣ (44 об.); **и въ прпдбии поминати ст҃хъ пастыреи и оучитель нашихъ… ꙗко и тии тѧ прославиша** (132 об.), **Проклинаю оубо ꙗко речесѧ. еже паче сихъ мудроствующи(х)… паче же ꙗкоже тии блѧдословѧтъ** (200 об.), **всѧ терплю ради избранны(х҃) да и тии спс҃нїе получать** (288).

Местоимение **онъ, она оно** в тексте почти не отмечено. Лишь форма мн. числа **они** встретилась дважды: **они же гл҃ютъ. ѿрекохомсѧ** (л. 153) — λέγουσιν Ἀπεταξάμεθα; **они же ѿвѣщаваютъ. счетахомсѧ** (л. 154) — λέγουσι Συνεταξάμεθα. Данные формы употребляются, как видно из примеров, для передачи подлежащего, опущенного в греческом предложении.

В молитвах в форме именительного падежа употребляется местоимение **самъ** (98) / **сами** (3), имеющее усилительное значение, например: **самъ члвк҃олюбче ц(с҃)рю и во всемь блг҃ии оудовли насъ въ множествѣ щедротъ твоихъ** (10 об.) — αὐτὸς φιλάνθρωπε Βασιλεῦ καὶ κατὰ πάντα ἀγαθέ ἱκάνωσον ἡμᾶς ἐν τῷ πλήθει τῶν οἰκτιρμῶν σου; **самъ бесмрт҃не и великодаровитыи ц(с҃)рю. помѧни щедроты твоꙗ** (39) — αὐτὸς ἀθάνατε καὶ μεγαλόδωρε Βασιλεῦ μνήσθητι τῶν οἰκτιρμῶν σου; **самъ и нн҃ѣ низпосли блг^А^ть ст҃го тї дх҃а.** (41 об.) — αὐτὸς καὶ νῦν κατάπεμψον τὴν χάριν τοῦ ἁγίου σου Πνεύματος. В древних редакциях служебника в подобных контекстах употреблялось личное местоимение **ты**, то есть передавалось контекстуальное значение, получавшееся за счет того, что сказуемое стояло в повелительном наклонении во втором лице (**оудовли, помѧни, низпосли** и под.). Замена **ты** на **самъ** — это последовательная инновация XIV века, характерная также для Афонской и Киприановской редакций литургий.

Контексты с множественным числом крайне редки в молитвах. В Евхологии Великой церкви данные формы встречаются в чинах принятия в православие: **сами прочаꙗ вѣсте како сохраните** (155 об.) — αὐτοὶ λοιπὸν οἴδατε πῶς φυλάττετε; **ѡбрѣтохомсѧ и сами грѣшни** (278) — εὑρέθημεν καὶ αὐτοὶ ἁμαρτωλοί.

Таким образом, в молитвенных контекстах предпочтительно местоимение **сам/сами**, имеющее выделительное значение, в нарративных превалируют местоимения **тои** и **тии**, однако есть ряд пассажей, где встречается форма **они** на месте опущенного подлежащего в греческом.

Родительный и винительный падежи

Развитие генетивно-аккузативных отношений у личных и неличных местоимений привело к тому, что древняя форма винительного падежа местоимения 3-го лица мужского рода **и**, а также форма множественного числа мужского и женского родов **ѧ** вышли из употребления и в изучаемом тексте не встречаются. Вместо них представлены формы родительного падежа, а винительный падеж сохраняется только у местоимений женского рода единственного числа и у местоимений среднего рода. Генетивные формы в изучаемом тексте употребляются для замещения как одушевленных, так и неодушевленных существительных.

Употребление местоимений мужского рода **того/его** в соответствии с αὐτός можно разделить на две большие группы — в функции несогласованного определения и в функции дополнения, как прямого, так и косвенного. Наши наблюдения показывают, что форма **того** чаще встречается в переводе во всех значениях, она зафиксирована 175 раз, тогда как форма **его** — 143 раза. В функции прямого дополнения заметно доминирует форма **того**, таких форм насчитывается 114, например: **приими раба своего имѿркъ… и сподоби того** (197), **паки ицѣлѣꙗ брата нашего болѧщаго… ицѣли того** (118 об.), **нн҃ѣ стоить к ѕападомъ диꙗволъ… да ѿвергъшесѧ того и дунувше, еже на того въсприимѣте брань** (152); в функции определения она зафиксирована 61 раз, например: **по ѕаповѣдемъ того жительства** (144), **въ среднемъ того мѣстѣ** (54 об.), **еже на ѕемлю того съ нб҃съ пришествиꙗ** (134 об.).

В функции определения чаще употребляется форма **его** (114 раз): **безпакостны съхранѧꙗ. ѡснованиꙗ его** (30), **и сѹды его расхитивъ** (94), **ѡгради входъ и сходы его** (106). Как дополнение она встречается в 29 случаях: **сблюди его** (царя) **даже до скончаниꙗ вѣка неподвижна** (40); **приѕри на раба твоего… оутверди его ꙗко на крѣпкомъ камени** (93), **ицѣли раба твоего…и ѡживотвори его по твоемѹ оугодию** (99 об.).

Винительный среднего рода ед. числа чаще всего представлен формой **то** (14 раз), например: **аще ли же во инъ ссѹдъ празденъ впадеть что скверно достоить то иѕмыти** (102), **писание свершисѧ. вл҃дка то на нб҃сѣхъ имѣеть** (154). Форма **е** встретилась только один раз, и она не имеет соответствия в греческом оригинале: **аще оубо кто васъ имѣеть что диꙗволе въ дш҃и да привержеть е томѹ** (151) — προστριψάτω ἀυτῷ.

Что касается варьирования местоимений женского рода **тоѧ/еѧ**, то наблюдается противоположная картина. Здесь доминирует старая форма **еѧ**, она отмечена в 22 случаях, а форма **тоѧ** отмечена только в пяти. При этом форма **тоѧ** в качестве несогласованного определения не встречается, она употребляется только в функции дополнения: **праѕнующиˣ ѡбновление сеꙗ ст҃ыꙗ цр҃кве и ради тоꙗ перстное тѣло наше съ дш҃ами… свершилъ еси** (63 об.), **ѿлагающихъ оубо сборную цр҃квь… раѕѹмѣющиˣ вмѣсто тоꙗ своꙗ ѡсобнаꙗ сборища** (206).

Форма **еѧ** в функции определения употреблена 7 раз: **и оукраси еꙗ главѹ красотою тебѣ бл҃гооугодною** (99); **и оутверди тварь оутоли ѕыбаниꙗ еꙗ** (119); **възлагаеть на главѹ еꙗ** (188 об.).

В 15 случаях **еꙗ** является прямым и косвенным дополнением. Косвенное дополнение встретилось 4 раза, например: **пригнѣтають рѹками ст҃ѹю трапеѕѹ… кадит окрест еꙗ** (59), **еже ѿ неꙗ** (воды) **почерпающимъ питие нескверно** (102), **въ еже не погибнути ѿ неꙗ** (от паствы) **единомѹ ѡвчати** (171).

В переводе Евхология Великой церкви в качестве прямого дополнения встречается форма **еꙗ**, которая употребляется вместо древней формы винительного падежа **ю**. В тексте встретилось 4 таких случая, и они по большей

части не связаны с категорией одушевленности существительного, которое они замещают: **ѿпусти ꙗ** (дочь) **ꙗко ꙁоветь въ слѣдъ насъ** (279) — ἀπόλυσον αὐτήν; **и проливаꙗ ꙗ** (воду) **на все лице ꙁемное** (193) — καὶ ἐκχέων αὐτό; **и просвѣти ꙗ** (душу) **и настави на ѡсвѣщние х҃а твоего** (219 об.) — καὶ φώτισον αὐτήν; **приводима бываеть ц(с҃)рица препоситы и поставлѧють ꙗ пре^А^ патриархомъ** (188) — παραστῶσιν αὐτήν. В одном случае форма **еѧ** соответствует греческому местоимению αὕτη: **по^А^держить ꙗ** (трапезу, л. 31 об.) — ἀνέχει ταύτην. Замена форм винительного падежа женского рода родительным происходила, видимо, под влиянием этого же процесса в местоимениях мужского рода, но протекала не так интенсивно. Данное явление было свойственно древнерусскому языку, где замена неличных местоимений винительного падежа родительным наблюдается в памятниках XII—XIII вв. Правда, случаев таких замен зафиксировано немного, но древнейшие из них содержатся в Успенском сборнике: **съꙁдавъ еѣ** (церковь)… **прѣстависѧ** [ДРГ 1995: 355]. Регулярные же замены винительного падежа на родительный у местоимений женского рода встречаются в деловой письменности с конца XIV в.: в грамоте Олега Рязанского Дмитрию Донскому и в Двинской грамоте XV в. [Борковский, Кузнецов 1963: 222]. Таким образом, наряду с южнославянской языковой нормой в тексте перевода представлены и живые русские формы местоимений.

В винительном падеже женского рода ед. числа конкурируют варианты **тую/ю**, причем новая форма заметно вытесняет старую. Замена старославянской формы **тѫ** на членную форму **тыѫ** происходит в среднеболгарских памятниках XIII—XIV вв. под влиянием местоимения **сиꙗ/сиѫ**: она встречается, например, в Берлинском сборнике начала XIV в. [Берлински сборник 2006: 398]. Однако в переводе Евхология Великой церкви употреблен другой вариант этого местоимения — **тую**, видимо, образованный от формы **таꙗ**. Форма **тую** зафиксирована в памятнике 28 раз: **помаꙁавъ тую** (312), **въꙁлагають тую на столпы** (35об.), **сгибають тую надвое** (58). Старая форма **ю** сохранена в 4 случаях: **се слышахомъ ю въ ефраѳѣ, ѡбрѣтохомъ ю в полих** (45), **насади ю** (лозу, 106).

Во множественном числе наблюдаем следующие закономерности: местоимение **тѣхъ** чаще употреблено в объектном значении (53), чем в функции определения (27). Местоимение **ихъ**, наоборот, превалирует в качестве притяжательного местоимения (47), в функции объекта встречается 13 раз.

Винительный падеж среднего рода мн. числа в переводе встречается только два раза и только в древней форме **ꙗ**: **и нова платна, срѣꙁуемы бываю^т^ надробно. и по скончании млт҃вы. раꙁдаеть ꙗ ст҃ль всѣмъ сущимъ въ ѡлтари** (67 об.), **въꙁдари ꙗ** (т. е. **бл҃годательства** 118).

Таким образом, в родительном и винительном падежах употребляются как древние, так и новые формы. Интенсивность введения новых форм наблюдается у местоимений мужского рода, употребленных в качестве прямого дополнения.

Дательный падеж

Формы **тому/ему** распределяются в тексте с явным преобладанием **тому** (76 раз) над формой **ему** (23 раза). Во множественном числе также доминирует новая форма **тѣмъ** (56), в то время как старая форма **имъ** наблюдается в 28 случаях. Напротив, в женском роде древняя форма преобладает: 9 раз встретилась форма **еи**, 4 раза форма **тои**. Отметим, что новые формы превалируют в составе дательного самостоятельного и новых инфинитивных калек с предлогами (**по еже** + inf; **въ еже** + inf и под.), которые широко распространяются в языке переводов XIV века: **ѡчистивъ воду сию… въ еже быти тои еже ѿ неꙗ почерпающимъ питие нескверно** (102) — εἰς τὸ γενέσθαι αὐτὸ τοῖς ἐξ αὐτοῦ ἀρυομένοις εἰς πόσιν ἀρύπαρον; **и по еже дунути тѣмъ** (крещаемым) **паки начинаеть** (151 об.) — μετὰ τὸ ἐμφυσῆσαι πάλιν ἄρχει. Напротив, формы дательного падежа от ***и**, ***ꙗ**, **ѥ** крайне редко встречаются в новых синтаксических оборотах. Нам встретился только один пример: **въ еже помолитисѧ имъ** (людям) **на мѣстѣ семъ** (309 об.), в большинстве случаев они выражают дательный адресата: **даꙗ имъ, покори ему, вдаша ему.**

Творительный падеж

В единственном числе форма творительного падежа **тѣмъ/имъ** полностью омонимична форме дательного множественного. В результате отвердения конечных губных старая форма творительного **имь** в переводе не встречается, а форма **тѣмь** зафиксирована только 4 раза: две формы стоят в дательном падеже и две формы в творительном.

Форма **тѣмъ** в тексте доминирует в творительном падеже, а форма **имъ** используется только в значении дательного падежа. Формы женского рода **тою/ею** распределяются в переводе следующим образом: **тою** употребляется 7 раз, например: **иже водою нас наꙁдавъ… оугаси тою ражженныꙗ вражиꙗ стрѣлы** (136 об.), **ѡчисти кроплением тою** (водой) (137), **и всего мѧ ѡ҃сти всесвершена силою своею невидимою и дх҃овною десницею. да… тою подати** (149 об.), **ересь сиꙗ състависѧ… тою держими** (229 об.). Форма **ею** в тексте не встречается, она употребляется только в составе местоимения **иже**: **еюже**. Множественное число творительного падежа выражено в основном формой **тѣми**, она встретилась в тексте 9 раз, а форма **ими** — только 2 раза: **чудодѣиствовати ими** (55 об.) и **стужающе ими** (278).

Местный падеж

Варианты **томъ/(н)емъ** распределены в переводе одинаково: 7 форм **томъ** и 7 форм **немъ**, например: **служити в томъ** (в жертвеннике 122 об.), **нашихъ грѣховъ на томъ** (кресте) **пригвоꙁдивъ** (167); **и дѣлающихъ и служительствующи(х҃) в немъ** (в храме) **оукрѣпи** (30), **еже нами на немъ** (на кресте) **свершаемыми** (180 об.). Форма женского рода **тои** встретилась только один раз: **в тои** (в церкви) **исправи молбы наша** (51 об). Форма **неи** в данном тексте употребляется 7 раз: **и погасити сущии в неи свѣтъ** (231),

створивыи ѕемлю и чл҃вка на неи (107). Во множественном числе форма **тѣхъ** встретилась 4 раза, например: **ꙗко антимисы преже ѡсщ҃нꙗ, рѣжемы бываютъ... а по еже ѡст҃ити. сѧ ничтоже ѿ си^х в тѣхъ дѣетьсѧ** (57), **ради свершаемыꙗ в тѣхъ** (в храмах) **бж(с҃)твныꙗ и бескровныꙗ жертвы** (120 об.), **и по тѣхъ ·р҃· г҃и помилуи** (297 об.). Форма **нихъ** употреблена 3 раза: **да въ нихъ шествуемъ** (143), **еже в нихъ видимымъ же всѣмъ и невидимымъ** (205 об.), **живъ будеть въ нихъ** (210).

Выводы

Активное употребление местоимений **тъ**, **та**, **то** в заместительной функции в русских переводах киприановского времени, на наш взгляд, можно связать с тем, что в церковнославянском языке XIV века в качестве нормы сохраняется старославянская тернарная система указательных местоимений, где местоимение **тъ** указывало на уже известный, только что упомянутый предмет или лицо. Видимо, эта норма использовалась в восточноболгарских тырновских памятниках письменности и не была характерна для афонских переводов. Наблюдение над употреблением местоимений в анафорической функции позволяет нам сделать вывод о том, что в русском переводе Евхология Великой церкви активно используются местоимения **тъ**, **та**, **то** в большинстве падежных форм, хотя для живого древнерусского языка этого времени такая норма не была характерна. Представим присущую этому памятнику систему указательных местоимений, выполняющих функцию личных местоимений 3-го лица, в таблице:

падеж	единственное число	множественное число
Им.	**самъ** (98) **тои** (2)	**сами** (3) **тии** (4) **они** (2)
Род-Вин.	**того** (114 в знач. дополнения, 61 в знач. определения) **тоѧ** (6 в знач. дополнения, 5 в знач. определения) **его** (29 в знач. дополнения, 114 в знач. определения) **еѧ** (15 в знач. дополнения, 7 в знач. определения)	**тѣхъ** (53 в знач. дополнения, 27 в знач. определения) **ихъ** (13 в знач. дополнения, 47 в знач. определения)
Дат.	**тому** (76) / **тои** (4) **ему** (23) / **еи** (9)	**тѣмъ** (56) **имъ** (28)
Вин.	**тъ** (0) / **то** (14) / **тую** (33) **и** (0) / **е** (1) / **ю** (5) / **еѧ** (5)	— **ѧ** (0) / **ꙗ** (2)
Тв.	**тѣмъ** (10) / **тою** (7)	**тѣми** (19) **ими** (2)
Мест.	**томъ** (7) / **тои** (1) **немъ** (7) / **неи** (7)	**тѣхъ** (4) **нихъ** (5)

Как видно из статистических данных, местоимение **тъ, та, то** употребляется в качестве субститута чаще, чем традиционное для церковнославянского языка русского извода местоимение ***и**, ***ꙗ, ѥ**. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что в творительном падеже замена старой формы новой проходит наиболее последовательно, здесь в единственном числе употребляется только новая норма — **тѣмъ, тою**, во множественном числе есть несколько исключений. Форма **имъ** стала основной в дательном падеже множественного числа, в творительном падеже она не употребляется.

Заметна определенная последовательность в распределении вариантов в родительном падеже мужского и среднего рода: здесь форма **того** функционирует в качестве дополнения, тогда как форма **его** употребляется в атрибутивном значении. Однако это распределение не распространяется на женский род, здесь мы наблюдаем обратную картину.

Интенсивность введения местоимения **тъ** проявляется больше всего в родительном и дательном падежах мужского рода — наиболее частотных формах в тексте. Такие формы заметно преобладают над остальными. В местном падеже интенсивность употребления местоимений **тъ, та, то** самая низкая: в мужском роде ед. числа старая и новая нормы равнозначны, а в женском роде ед. числа старая преобладает.

Наряду с употреблением новой нормы, в переводе встречаются региональные употребления. Так, форму **еѧ** в функции прямого дополнения вместо традиционной формы **ю** можно расценивать как русскую языковую норму XIV века. При этом форма **тоѧ** в этой функции ни разу не отмечена, в винительном падеже прямого объекта всегда выступает форма **тꙋю**, не совпадающая со среднеболгарской нормативной формой **тыѫ**.

Отметим также, что все вариантные формы местоимений, относящихся к 3-му лицу, равномерно распределены по всему тексту, а не группируются на отдельных участках памятника. В связи с этим нельзя утверждать, что перевод осуществлялся русским и болгарским книжником, каждый из которых употреблял свойственные его языку местоимения в переводимом им фрагменте. Складывается впечатление, что переводчик (или переводчики) все же имели определенные установки в распределении старых и новых форм, однако допускали немало отступлений. Пестрота в употреблении новых и старых форм, введение региональных русских употреблений на всех уровнях языка является яркой характерной приметой данного перевода [Афанасьева 2014: 244—246]. С одной стороны, его можно квалифицировать как инновационный, открытый к новой, не свойственной русскому языку норме и тем самым отдаляющийся, отталкивающийся от национального языка. С другой стороны, обилие русизмов на всех уровнях языка, в том числе и в употреблении местоимений, относящихся к 3-му лицу, может характеризовать данный перевод как адаптирующий многие живые русские особенности своего времени.

Литература

Арранц 2003 — М. Арранц. Евхологий Константинополя в начале XI века и Песненное последование по требнику митрополита Киприана // М. Арранц. Избранные сочинения по литургике. Т. III. М.; Рим, 2003.

Афанасьева 2004 — Т. И. Афанасьева. Славянская литургия Преждеосвященных Даров. Текстология и язык. СПб., 2004.

Афанасьева 2014 — Т. И. Афанасьева. К вопросу о месте и времени славянского перевода Евхология Великой церкви // Русский язык в научном освещении № 1 (27). 2014. С. 237—251.

Афанасьева 2015 — Т. И. Афанасьева. Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI—XV вв.). М., 2015.

Берлинский сборник 2006 — Х. Миклас, Л. Тасева, М. Йовчева. Берлински сборник. София; Виена, 2006.

Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Вайан 1952 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952

ДРГ 1995 — Древнерусская грамматика XII—XIII вв. / Под ред. В. В. Иванова. М., 1995.

Иванова-Мирчева 1974 — Д. Иванова-Мирчева. Евфимий Тырновски, писател-творец на книжовния български език от Късното средновековие // Търновска книжовна школа Т. I. София, 1974.

Калужняцки 2010 — Е. Калужняцки. Съчинения на Българския Патриарх Евтимий (1375—1393). Велико Търново, 2010. (Переиздание: E. Kałużniacki. Werke des Patriarches von Bulgarien Euthymius (1375—1393). Wien, 1901, с предисловием Д. Кенанова).

Кржижкова 1972 — Е. Кржижкова. Замечания о системе указательных местоимений в современных славянских литературных языках // Русское и славянское языкознание. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1972. С. 144—153.

Курц 1963 — Й. Курц. Проблема члена в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка. М., 1963.

Минчева 1987 — А. Минчева. Старобългарският език в светлината на балканистиката. София, 1987.

Супр. 1982 — **Супрасълски или Ретков сборник** / Под ред. Й. Заимов и М. Капалдо. Т. I. София, 1982.

Успенский сборник 1971 — Успенский сборник XII—XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

Харалампиев 2001 — И. Харалампиев. Историческа граматика на българския език. Търново, 2001.

Večerka 1993 — R. Večerka. Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. T. II. Die Innere Satzstruktur. Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. XXXIV (XXVII/2). Freiburg, 1993.

Резюме

В статье исследуется вариантность местоимений **тъ**, **та**, **то** и **и**, **ꙗ**, **ѥ** в заместительной функции в русском переводе Евхология Великой церкви конца XIV в. В качестве основного местоимения в большинстве падежных форм выступают ме-

стоимения **тъ, та, то**, которые, по мнению автора, являются отражением литературной нормы, свойственной Тырновской книжной школе, которая сохраняла тернарную систему указательных местоимений старославянского языка. Характерное для древнерусского языка XI—XIV вв. заместительное местоимение **его, ему** и под. употребляется в меньшем объеме, в некоторых случаях имеет место формальное распределение этих местоимений по разным падежам и числам.

Ключевые слова: тернарная и бинарная системы указательных местоимений, семантика местоимения *тъ*, употребление местоимения *тъ* в русских переводах XIV века

Получено 03.06.2016

TATIANA I. AFANASJEVA

USE OF DEMONSTRATIVE PRONOUNS IN THE FUNCTION OF 3rd-PERSON PRONOUNS IN LATE 14th-CENTURY RUSSIAN TRANSLATIONS

The article investigates the variation of demonstrative pronouns *tъ*, *ta*, *to* and *i*, *ja*, *je* in the function of the 3rd-person pronoun in the Russian translation of the Euchologion of the Great Church (late 14th cent.). The basic pronoun in most cases is *tъ*, *ta*, *to*, and this usage reflects the literary norm of the Tŭrnovo school, which preserved the Old Slavonic ternary system of demonstrative pronouns. The substitutive pronoun *i*, *ja*, *je*, which was common in Old Russian, is used less often. In some cases, there is a formal distribution of *tъ*- and *i*-pronouns in different cases and numbers.

Keywords: ternary and binary system of demonstrative pronouns, semantics of the pronoun *tъ*, the pronoun *tъ* in 14th-century Russian translations

Received on 03.06.2016